

Мугам

и современная музыка Азербайджана

Ситэл, США, февраль 2006 года... В концертном зале Бенаройа Холл в рамках Международного фестиваля современной музыки стран Кавказа "Icebreaker III: The Caucasus" звучит музыка современных азербайджанских композиторов... Сквозь хитросплетения композиторских техник и различие творческих индивидуальностей явственно проступают интонационные контуры бесценного музыкального достояния Земли Огней - азербайджанского мугама. И аплодисменты, которые звучат в зале - это не только дань благодарности авторам и исполнителям, но ещё и признание заслуг композиторской школы, которая за невероятный короткий срок вошла в круг современной музыки, сохранив при этом непосредственные связи с родной культурой. Азербайджанские композиторы соединили прошлое с настоящим, традицию с экспериментаторством и доказали возможность сочетания восточного пиетета к прошлому с западным стремлением к обновлению.

Парадоксальным образом, в системе азербайджанской музыки традиция не только не противилась обновлению, но зачастую сама его стимулировала. Мугам становился и источником отдельных идей, и целостной моделью произведений азербайджанских композиторов; одних авторов привлекали его драматические черты, других - эпические; мугам входил в орбиту творческих исканий и в почти нетронутым, и в трансформированном виде. Одно оставалось неизменным: роль мугама как эстетического и стиливого фундамента композиторской школы Азербайджана. Даже самые радикальные её представители, апологеты современных композиторских стилей, не избежали его многогранного влияния.

Начало этому процессу положил Узеир Гаджибеков, поведав бессмертную историю героев Физули Лейли и Меджнун языком мугама и оперы, и тем самым включив освящённое веками искусство мугама в новую художественную систему. Далее последовали искания национальных композиторов, каждый из которых стремился внести свою лепту в новое прочтение древнего жанра. Фикрет Амиров, а затем Ниязи создают жанр симфонического мугама, Джовдат Гаджиев включает мугам в симфоническую концепцию. Джахангир Джахангиров и Назим Аливердибеков помещают мугам в хоровую фактуру, Солтан Гаджибеков обнаруживает его концертные возможности, а Тофик Кулиев и Рауф Гаджиев соединяют мугамат с популярной музыкой. Собственно, орбита влияния мугама на современную музыкальную культуру Азербайджана простирается много шире композиторского творчества. Вагиф Мустафазаде и Рафик Бабаев открывают возможности древнего искусства в джазе. Бюльбюль и Рашид Бейбутов соединяют традиции мугамного пения с итальянским бельканто, а Чингиз Садыхов создаёт самобытный национальный стиль музицирования на фортепиано, выросший на почве мугамности и академической школы.

И всё же новый исторический этап в соотношении мугама с композиторской музыкой Азербайджана, с которого, собственно, и начинается современная музыкальная история страны, связан с именем Кара Караева. Знаменитое караевское высказывание "Мы - это ведь тоже часть мира" ознаменовало начало глобализирующих процессов в азербайджанской

музыке в 60-е годы XX века. Мугам в музыке Караева вошёл в соприкосновение с джазом, блюзом, африканской музыкой, интонациями испанской музыки. А в Третьей симфонии и Скрипичном концерте композитор соединил мугамность с одной из самых радикальных композиторских техник XX века - двенадцатитоновостью. То были произведения этапные, вызвавшие неоднозначную реакцию в музыкальных кругах не только Азербайджана, но и всего Советского Союза. Консерваторы обвиняли композитора в нарушении традиции, идеологи советской музыки - в пренебрежении постулатами "социалистического реализма". Тем не менее, зерно, зароненное Караевым, дало благодатные плоды: в азербайджанской музыке начались интенсивные процессы обновления, а неотъемлемой их частью стало формирование нового взгляда на мугам.

На авансцену азербайджанской музыки вышло новое поколение композиторов, в большинстве своём - воспитанники Караева, которые обратились к глубинным слоям древнего искусства мугама, вовлекая их в орбиту смелых творческих экспериментов. Ариф Меликов в соответствии с лирико-драматической природой своего дарования во всех своих сочинениях, в особенности в симфониях, акцентирует динамические свойства мугама и синтезирует мугамность с алеаторикой, сонористикой и другими средствами композиторского творчества XX века. Хайяма Мирзаде также привлекает внутренняя динамика мугама, которая соотносится с типичным для композитора стремлением заострять контрасты мира. Несмотря на отсутствие прямых аналогий, в музыке Х.Мирзаде и в характере музыкальных тем, и в способах их развития - оживают многие принципы мугама. Акин Ализаде, напротив, сосредоточен на эпических свойствах мугама. Мугамат для него становится панацеей от суевы современной жизни; достаточно вслушаться в его "Мугамную симфонию", композиции "Старый ханенде" и "Звуки мугама" для органа. Васиф Адыгезалов тяготеет к воспроизведению первозданной красоты мугама. Во всех его сочинениях, будь то песня, опера или оратория, ощущается безупречное знание мугама. Показательны оратория "Карабах шикестеси" или мугамная симфония "Сегях", которые становятся композиторской проекцией популярных азербайджанских мугамов.

На рубеже 60-70-х годов прошлого века в Азербайджане появляется так называемая "новая музыка". Среди ключевых фигур этого направления - Фирангиз Ализаде, которая в своей пьесе "Габильсаягы" ("В стиле Габилы") при помощи современных средств композиторского письма имитирует стиль блестящего мастера мугама, кяманчиста Габилы Алиева. Эта композиция становится декларацией творческого credo, которое по сей день определяет искания композитора. Показательно, что один из последних дисков Ф.Ализаде, выпущенных с прославленным американским квинтетом Кронос, так и называется - "Мугамсаягы" ("В стиле мугама"). А её композиция "Дервиш" с участием Алима Гасымова - наряду с "Караваном" Джаваншира Кулиева - была включена в программу фестиваля "Шёлковый путь", который в 2001-2005 годах под руководством прославленного виолончелиста Йо-Йо-Ма прошествовал по самым знаменитым концертным площадкам мира. Фарадж Караев, представляющий ту же когорту национальных композиторов, поначалу не тяготел к пря-

тому воссозданию мугамных идиом. И всё же в художественном мышлении композитора - в его ощущении времени, принципе абстрактной работы с мелодическими моделями - всегда неуловимо присутствовали черты мугамности. А в последние годы в творчестве Ф.Карасава неожиданно обозначились и непосредственные проявления мугамности - это композиция "Хутба, мугам и сура", где в качестве цитаты включён мугам Шуштэр, исполненный на таре. Знаком мугама, предложившим оригинальное видение его интонационных особенностей, предстает Джаваншир Кулиев. Его "Семь пьес с интерлюдиями в мугамных ладах" - это своего рода камерное обобщение грандиозного портала азербайджанского мугамата. В творчестве Рахили Гасановой оживают древние попевки, своего рода протоинтонации мугама. Исмаил Гаджибеков предлагает интерпретацию древнего жанра в рамках эстетики классицизма. Азер Дадашев, Айдын Азимов, Муса Мирзоев, Джалал Аббасов, Фарханг Гусейнов, Эльмир Мирзоев, Заур Фахрадов и другие азербайджанские композиторы в своих сочинениях также мастерски претворяют особенности традиционного наследия.

У каждого азербайджанского композитора был свой путь к мугаму - не потому ли так различны подходы к этому жанру-источнику, так многолика палитра современной композиторской школы Азербайджана. У одних - как например, у Фикрета Амирова или Васи́фа Адыгезалова - знание мугама было заложено в генной памяти: оба происходили из семьи прославленных мугаматистов - соответственно, Мешади Джамиля Амирова и Зульфи Адыгезалова. В жизни других - в их числе Ариф Меликов и Джаваншир Кулиев - композиторской карьере предшествовало серьёзное изучение мугама и традиционных инструментов в стенах учебного заведения. Есть композиторы, которые пришли к мугаму по прошествии определённого периода исканий - как, к примеру, Фирангиз Ализаде. Одно неизменно - тесная связь, которая традиционно существовала между

миром композиторов и мастерами мугама в Азербайджане со времен Узеира Гаджибекова, оказывала обоюдное благотворное влияние. Все без исключения азербайджанские композиторы сформировались в атмосфере мугама, всем присуще чувство глубинной причастности к древней традиции. Это огромное достояние, которому неизменно удивлялись на Западе, и которое мы сегодня обязаны сберечь.

...Концерт в Сиэтле завершился мировой премьерой произведения Ф.Ализаде "Пламя". Интонации Сегах и Чахаргах, причудливо сплетаясь, словно языки пламени, манили и завораживали. В завершение на сцену вынесли чашу с пламенем, и отзвуки древних мугамов в современной интерпретации слились воедино с вечным символом Земли Огней... ♦

Аида ГУСЕЙНОВА,
профессор

The article focuses on the ways of incorporating mugham in the contemporary music of Azerbaijan. Gara Garayev was the first who juxtaposed mugham with 20th century music styles and techniques thus determining further explorations of Azerbaijani composers. Each and every composer of Azerbaijan developed his/her own view of mugham and its synthesis with the means of contemporary music. Arif Malikov and Khayyam Mirzazade represent dynamic approach to mugham; Agshin Alizade emphasizes its epic features. Vasif Adigozalov keeps its initial beauty, and those representing the "new music", such as Firanghiz Alizade and Faraj Garayev bring mugham together with the most radical techniques of contemporary music. Glance at jazz and performing arts also reveals a huge role of mugham in contemporary music of Azerbaijan.

№2-3 (20-21), 2006